

Павел Клубков

Miscellanea marginaliaque

Так называлась статья одного лингвиста, которого мы в юности очень уважали. И тогда же я решил со временем воспользоваться. Эти сюжеты обсуждались в застольных беседах и во время прогулок. Предполагалось, что, вообще говоря, надо бы кое-что проверить, подумать еще, а потом написать... А потом отдать в фестшрифт. Но у сроков есть свойство истекать независимо от наших намерений. И кому как не Левинтону этого не знать?

1

Любой речевой сегмент может быть повторен — использован как клише. В сущности, любое клише — это чужое слово, т.е. слово (высказывание), авторство которого принадлежит не здесь-сейчас-говорящему. Публичное слово, высказывание, услышанное или прочитанное существенной частью языкового коллектива, может быть с той или иной степенью буквальности воспроизведено кем угодно. Его существование в памяти членов языкового коллектива хотя и ограничено временными рамками, но непрерывно. Вцепившись в воздух, цитата его не отпускает.

Можно предположить, что ее присутствие в воздухе ощущается, даже когда она утрачивает актуальность.

Павел Анатольевич Клубков
Санкт-Петербургский
государственный университет
grammatik@yandex.ru

Многие прилагательные ассоциативно вытягивают за собой существительные: неуловимые — мстители, израильская — военщина, вечерний — звон, тамбовский — волк (окорок), голландский — сыр и пр.

Появление прилагательного японский [jəpónsk'ij] в качестве эвфемистического субститута ёб ([jɔp]/[jəp]) довольно естественно. При отсутствии необсценных слов, начинающихся непосредственно с [jɔb], [jɛb], [jɔp], конкуренцию могли бы составить *епанча, епархия, епископ, епитимья*, но, разумеется, *японский* лучше по стилистическим соображениям.

Прилагательное требует при себе существительного. В материалах К. Косцинского зафиксировано: «японский бог — эвф. ругательство по созвучию (шутл.) Прр., вульг., н[е] п[озднее] к[онца] 50-х гг.? — 1962 — «Ахты японский бог...» Л[итературная Газета], 18.12».

К. Косцинский (К.В. Успенский), регистрируя случаи использования «ненормативной лексики», стремится ориентироваться преимущественно на печатные источники, лишь во вторую очередь ссылаясь на собственные наблюдения над устной речью и сообщения респондентов. Выражение *японский городской* отмечено, но текстовой цитатой не сопровождается. Полагаю, что оно бытовало существенно раньше выражения *японский бог*, а его широкое распространение в качестве эвфемизма можно объяснить существованием клише *японский городской* независимо от этой функции.

В апреле 1891 г. на цесаревича Николая Александровича во время поездки по Японии напал полицейский. В рассказах об этом событии он неизменно назывался городским (японским, естественно). Конфликт был улажен, но осадок остался...

Зная, чем обернулась впоследствии Русско-японская война, можно, с определенными оговорками, утверждать, что одним из виновников бед России XX в. был именно этот proverbialный японский городской.

2

Блажен, кто называл кремень
Учеником воды проточной!

Известное место из «Грифельной оды» принадлежит к числу цитат, особенно привлекательных для комментатора.

Немного неожиданное соответствие «ученику воды проточной» можно усмотреть в том, как называл себя знаменитый московский юродивый Иван Яковлевич Корейша в письмах к московскому митрополиту Платону (Левшину): «студент хладных/холодных вод». В слове *студент* в соседстве с холодной водой актуализируется паронимическая связь с корнем *студ* (студеный). Лечение, которому, во всяком случае поначалу, подвергался Корейша в сумасшедшем доме, включало, вероятно, хорошо известную процедуру. «Боже! Что они делают со мною! Они льют мне на голову холодную воду! Они не внемлют, не видят, не слушают меня. Что я сделал им? За что они мучат меня? Чего хотят они от меня, бедного? Что могу дать я им?»

Мучение может быть не только лечением, но и учением. *Учить уму-разуму* часто означает ‘пороть’.

Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его (Притч 13,25). В русском слове *наказание* слышится не только кара, но и наставление. А капля камень точит.

3

...Как прозорливица — Самуила
Выморочу — и вернусь одна...

М. Цветаева «Не чернокнижница! В белой книге...»
(Провода, 5; 25 марта 1923 г.)

Явная отсылка к известному эпизоду из 1 книги Царств. Аэндорская волшебница по просьбе Саула («прошу тебя, поворожи мне и выведи мне, о ком я скажу тебе») *выводит* из земли умершего пророка Самуила, который предсказывает Саулу близкую смерть (1 Цар. 28,9–19).

Выморочу соответствует семантике словообразовательного типа: добыть, обрести посредством действия, обозначаемого мотивирующим глаголом. Ср.: вытащить, вызвать, выковырять и т.п.¹ Волшебница действует посредством колдовства, ворожбы — *выколдовывает, вывораживает* пророка.

¹ Глагол *выморочить* встречается у Цветаевой еще раз в стихотворении «Поэты», написанном 8 апреля 1923 г.: *Между да и нет / Он даже размахнувшись с колокольни / Крюк выморочит...* Здесь актуализируется другой вариант семантики префикса *вы-*: создать посредством действия, обозначаемого мотивирующим глаголом (ср.: выстроить, вышить и т.п.).

«Выморочу» — выведу из загробного мира. В том же цикле Цветаевой присутствует тема Орфея и Эвридики.

Глагол *морочить* означает напускать *морок* (мрак), сбивать с толку, обманывать. Семантическое сближение с глаголами *чаровать*, *колдовать*, *ворожить* выглядит вполне естественно, хотя и не очень часто встречается в языковой реальности. Ср. у Гоголя: «Захочет обморочить дьявольская сила, то обморочит; ей-богу, обморочит!» (Заколдованное место).

Цветаевский окказионализм существует на фоне общеупотребительного прилагательного *выморочный* (оставшийся после владельца, умершего без наследников). Существенно, что данное прилагательное встречается в литературе не только в этом юридическом значении. «Выморочный» — так называется одна из последних глав «Господ Головлевых». Речь идет о метафорически-посмертном существовании — о старости Порфирия Головлева. Ср. также: «И, может быть, Гоголь уже давно и ранее болезни своей провидел, что одно сухое лицемерие да мистический страх останутся на остаток дней сторожить его выморочное существование» (И. Анненский. Книга отражений). «За короткий выморочный день» (Мандельштам). Выморочный — оставшийся, когда всё и все вымерли.

Все сказанное лишь слабо объясняет выбор окказионального глагола с не вполне внятным значением. Полагаю, что здесь присутствовал еще один стимул — клише, цитата.

Очерк М.И. Семевского «Самуил Выморков, проповедник явления антихриста в 1722–1725 г.», в названии которого мы обнаруживаем неожиданное соседство имени Самуил и основы *вымор(о)к*, был впервые опубликован в «Отечественных записках» (1866, кн. XIV–XV), а затем вошел в самую популярную книгу автора «Слово и дело! 1700–1725» — второй том его «Очерков и рассказов из русской истории XVIII в.» (2-е изд. СПб., 1884).

Книга эта, разумеется, входила в круг чтения семейства И. В. Цветаева. И дело здесь даже не в достаточно близком (документально подтверждаемом) знакомстве Цветаева с Семевским¹. Просто ее читали *все*...

---

¹ См., напр., известный «альбом» Семевского «Знакомые» (СПб., 1888).

4

Чу... снег хрустит... прохожий; дева
 К нему на цыпочках летит
 И голосок ее звучит
 Нежней свирельного напева:
 Как ваше имя? Смотрит он
 И отвечает: Агафон.

Прохожий представляется первым из сладкозвучнейших греческих имен, «каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами». Лотман, комментируя это место, пишет: «Иронический тон повествования создается за счет столкновения романтических переживаний героини и простонародного имени, решительно несовместимого с ее ожиданиями. Пушкин сначала избрал имя “Мирон”, (VI, 385), утвержденное литературной традицией XVIII в. как одно из комических и простонародных (см.: “Щепетильник” Лукина, “Анюту” Попова и др.), потом, поколебавшись между “Харитон” и “Агафон” (VI, 385), избрал последнее».

В обстоятельном, но изящном комментарии Я.И. Гина (Временник Пушкинской комиссии. Вып. 25. СПб., 1993) рассматриваются, как кажется, все импликации странного диалога и все коннотации имени Агафон, включая соотношение эразмова и рейлинова вариантов имени. Упоминается и карамзинский «Цветок на гроб моего Агатона».

Поводом к дальнейшему обсуждению может быть, пожалуй, лишь одно обстоятельство. Предсказаниям «в этом роде литературы» подобает так или иначе, иногда парадоксальным образом, сбываться. Нам известен муж Татьяны, получивший в оперном либретто княжеский титул и красивую фамилию Гремин. О пушкинском персонаже известно довольно много: важный и толстый генерал, изувеченный в сраженьях ветеран, но при этом давний приятель Онегина. Может ли он быть в каком-то смысле Агафоном?

Существенно, что, несмотря на совершенно разные коннотации, Агафон и Агатон — одно и то же имя. Александр Андреевич Петров — Агатон Карамзина — известен как «ревностный адепт московских мартинистов» (В.И. Саитов).

Если допустить возможность масонского имени Агатон (греч. ἀγαθόν ‘хороший, славный, благородный’), наряду с такими как Репертус, Коловион, Елиомас, Филус, Вегетус, Велокс, Сацердос и т.п., то почему бы мужу Татьяны не носить его?

***

Есть такое полезное выражение: *интеллектуальный климат эпохи*. Такое же универсальное и расплывчатое, как *менталитет*. Если все же попробовать чуть развернуть метафору, то можно говорить не только о климате, но и о погоде.